

Е. А. Игушев (*Сыктывкар*)

**К своеобразию выражения грамматических категорий
в языках обских угров**

Названия большинства абстрактных понятий в обско-угорских языках не восходят ни к уральскому, ни к финно-угорскому, ни к угорскому лексическому фонду: отвлеченные имена возникли значительно позже конкретных.

При сравнении между собой угорских слов с отвлеченной семантикой выявляется их различное звучание даже в близкородственных языках:

понятие	по-мансийски	по-хантыйски	по-венгерски
красивый	<i>нётнэ</i>	<i>хурасāη</i>	<i>szép</i>
интересный	<i>нумась</i>	<i>усьхуль</i>	<i>érdekes</i>
любить	<i>ёруптаηкве</i>	<i>мосты</i>	<i>szeretni</i>
святой	<i>ялпыη</i>	<i>йемāη</i>	<i>szent</i>
счастье	<i>сōт</i>	<i>уй</i>	<i>szerecsse</i>
фамилия	<i>пот нам</i> (ясак + имя)	<i>опрась нэм</i> (прадед + имя)	<i>család név</i> (семья + имя)

Названия абстрактных понятий в обско-угорских языках образованы на базе конкретных реалий, которые воспринимались носителями языков как известные им сызмальства словесные символы, не требующие особых умственных затрат для их запоминания. Например, понятие *север* в хантыйском языке обозначается словом *увас*, букв. 'по течению', в мансийском – словосочетанием *луи мā*, буквально 'нижняя земля', т. е. 'страна света, находящаяся ниже по течению (реки Обь)'. Понятие *юг* в хантыйском передаётся сочетанием слов *нум мув*, а в мансийском – *али мā*. Оба словосочетания имеют значение 'верхняя земля', т. е. страна света, находящаяся выше по течению (реки Обь).

В родственном обско-угорском коми языке для обозначения понятий *север* и *юг* используются исконные термины, образованные в период общепермского языка-основы: *войвыв* 'север', букв. 'ночная сторона', ср. удм.: *уйпал* 'тж'; *лунвыв* 'юг', букв. 'дневная сторона', ср. удм.: *лымшор пал*, букв. 'полуденная сторона'.

Характерно, что зауральские коми, в течение последних четырёх столетий проживающие постоянно в Нижнем Приобье совместно с обско-угорскими народами, для обозначения географических понятий *север* и *юг* не пользуются принятыми в коми языке терминами *войвыв* и *лунвыв*, а используют кальки с хантыйского и мансийского языков, *север* в языке зауральских коми – *кытыд* 'ниже по течению (реки Обь)', а *юг* – *катыд* 'выше по течению (реки Обь)': *Оксаркоыс вед кытыдыдн* (каф.) 'посёлок Аксарка – на севере', досл. 'ниже по течению'. Коми зауральский поэт Иван Истомин в своих произведениях использует кальки с обско-угорских языков для обозначения стран света, чтобы быть предельно понятным своим читателям: *Шоныд катыд муысь воас Тэныд дзоля чой* (Войвыв кодзув. 1980. № 7). 'Из тёплой южной (досл. выше по течению реки) земли прибудет к тебе маленькая сестра'.

Многие названия абстрактных понятий были образованы в период обособленной жизни хантыйского и мансийского народов, после разложения обско-угорского языка-основы. Так, названия месяцев в хантыйском и мансийском языках не совпадают.

При беглом знакомстве с этой частью лексического и этнологического богатства обско-угорских языков бросается в глаза отражение в них не только хозяйственной ежедневной деятельности охотников и рыболовов, но и трепетное отношение обских угров к окружающей природе, их высокий нравственный потенциал.

Январь, по-мансийски – *võt sãxrapnal*, досл. ‘ветер с топором’, т. е. ‘месяц с холодным пронизывающим ветром’; по-хантыйски, *ac халты тылась* ‘месяц замора рыбы’. Название месяца служит напоминанием жителям прибрежных поселений о необходимости прорубать отверстия во льду на реках и озёрах, чтобы рыба, представляющая важнейшее богатство края, не задохнулась под толщей льда.

В мансийском языке понятия *красивый* и *оказывающий помощь* совпадают в звучании, называются одним словом *нётнэ*. Антонимом этому названию выступает слово *нёттал*, также имеющее два значения: ‘некрасивый’ и ‘не оказывающий помощи’. Следовательно, в сознании народа манси красота представляется не столько эстетической категорией, сколько нравственной. На обском севере гораздо важнее красота душевная.

Поэтичнее, чем в родственных финно-угорских языках, в обско-угорских именуется явления природы и предметы окружающего мира. Луч солнца манси и ханты называют рукой солнца, ср.: мансийское *хõ-тал кãт*, хантыйское *хатл ёш*, досл. ‘солнце рука’. В родственных языках это явление природы называют менее поэтично, сравните: мар. *кече йол* ‘нога солнца’, удмуртское *тылси* ‘огненная нить’, коми *югõр* ‘блик’, венгерское *sugár* ‘струя’, финское *sãde* ‘искра’.

Росу в обско-угорских языках называют ночной водой (по-мансийски *ётвит*, по-хантыйски *атйи́к*, досл. ‘ночь вода’). Пульс человека в представлении обских угров – сердце руки (по-мансийски *кãт сым*, по-хантыйски *ёш сам*, досл. ‘рука сердце’).

Конечности животных в родственных финно-угорских языках обозначают словом со значением ноги. Ср.: венгерское *lãbak*, финское *jalat*, коми *кокъяс*, удмуртское *кукъяс*. Но в речи обских угров для названия конечностей животных используется композита со значением руки-ноги (по-мансийски *ууй кãт-лãгыл*, по-хантыйски *вой ёш-кур*, досл. ‘руки-ноги животных’). Мансийское название крота *няар кãт* ‘голая рука’ представляет собой парафразу. Но эта парафраза не лишена поэтичности: передние лапы зверька не содержат волосяного покрова. В пред-

ставлении обских угров передние лапы животных являются прямой параллелью рук человека.

Подобная поэтичность в номинации лексических единиц распространена и на грамматику обско-угорских языков.

В уральском языке-основе части речи ещё не были дифференцированы, представляли собой единые вербумномены. Глаголы и имена произошли позднее от одной и той же недифференцированной категории слов, поэтому первоначально форманты спряжения и склонения также не были дифференцированы [ОФУЯ 1974: 214]. Часть деривационных морфем глаголов и имён происходит от одного этимологического источника.

В современных обско-угорских языках одни и те же диминутивные морфемы образуют субъективно-оценочные формы как от имён, так и от глаголов. Сравните, мансийский диминутивный суффикс *-кве*: *хул* 'рыба' – *хулкве* 'рыбка', *кол* 'дом' – *колкве* 'домик'.

Перед посессивным суффиксом происходит опрощение: *-кве* > *-ке*: *хулкем* 'моя рыбка', *колкем* 'мой домик'. Суффиксы субъективной оценки *-ке*, *-ка* употребительны в родственных финно-угорских языках, ср. в венгерском: *legényke* 'паренёк' < *legény* 'парень', *leányka* 'девочка' < *leány* 'девушка'; коми: *ныв* 'девушка', *нывка* 'девочка'.

Мансийский диминутивный суффикс *-кве*, в отличие от венгерского и коми языков, образует уменьшительно-ласкательные формы и от глагольных корней: *тав мини* 'она идёт', но *тав миникве* 'она идёт, приятенькая'; *Ам блыглим* 'я живу', но *ам блыгликем* 'я живу радостно, хорошо'.

Пейоративный мансийский суффикс *-рись*, восходящий к самостоятельному слову со значением 'часть, кусок' (ср. этимологически близкое ему венгерское слово *rész* с тем же значением) придаёт пренебрежительный оттенок именам (*колрись* 'домишко', *совыррись* 'зайчишка' < *совыр* 'заяц'), присоединяясь к глагольным основам, суффикс *-рись* придаёт действию или состоянию оттенок сочувствия, сострадания: *тав мини* 'он идёт', *тав минирись* 'он идёт, бедненький', *ам блыгум* 'я живу' – *ам блыгрисюм* 'я живу, горемычный' [Баландин 1960: 108].

В родственном обско-угорском коми языке подобных образований глагольных форм нет, там субъективно-оценочные суффиксы имён могут присоединяться лишь к личным местоимениям. Сравните: *йёрдöс* 'рубашка' – *йёрдöсшöн* 'рубашонка', *пи* 'сын' – *пишöн* 'плохой сын', но: *мешöн нин веськö вои* 'и я бы, доходяга, дошёл уже', *кöть и мишöн видзам деньгатö* 'даже мы, доходяги, тратим деньги' [ЛЛД 1985: 52].

На развитие как лексической, так и грамматической систем обско-угорских языков наложила большой отпечаток тесная ежедневная связь с окружающей природой [Ромбандеева 1993: 7]. Только благодатным воздействием окружающей среды на быт и сознание хантов и манси

можно объяснить поэтизацию ими не только реалий окружающей их действительности, но также и поэтическое оформление грамматических форм их самобытных языков.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баландин А. Н.* Самоучитель мансийского языка. Л.: Просвещение, 1960.
- Войвыв кодзув – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей Коми Республики. Сыктывкар.
- Каксин А. Д.* Категория наклонения-времени в северных диалектах хантыйского языка. Томск: Изд-во Томского университета, 2000.
- Каф. – диалектологическая картотека кафедры коми и финно-угорского языкознания Сыктывкарского университета.
- Майтинская К. Е.* Венгерский язык: часть II: Грамматическое словообразование. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959.
- Молданова С. П., Нёмысова Е. А., Ремезанова В. Н.* Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Л.: Просвещение, 1983.
- ЛЛД – Жилина Т. И.* Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985.
- Ромбандеева Е. И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: Северный дом, 1993.
- Ромбандеева Е. И.* Каузативные глаголы в активных и пассивных синтаксических конструкциях мансийского языка // Вопросы финно-угорского языкознания. М. Л.: Наука 1962. С. 236–256.
- Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А.* Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. Л.: Просвещение, 1982.
- Соловар В. Н.* Ханты яснуп хурӧӧ словарь. Санкт-Петербург: Алфавит, 1997.
- Сорвачёва В. А.* Ненецкие и хантыйские заимствования в говоре зауральских коми // Историко-филологический сборник. Вып. шестой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960.
- Ahlqvist A.* Muistelmia matkoilta Wenäjällä 1854–1858. Hämeenlinna, 1986.
- Vuokko E.* Mansin murreanakirjatyön leksikografisia ongelmia // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 89. Helsinki, 2001.
- Wogulische Texte mit einem Glossar gesammelt und bearbeitet von Béla Kálmán. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1976.
- Szilasi Mórincz.* Vogul szójegyzék. Budapest: Tankönyvkiadó, 1974.
- Szabó Miklós.* Orosz-magyar zsebszótár. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989.